

Подножие горы Мусиро

У самого подножия горы Мусиро, на окраине Токио, прямо из воздуха соткался черноволосый юноша с дорожным рюкзаком за плечами. Он приземлился бесшумно и мягко, словно соскользнувший с крыши кот.

Но стоило ногам коснуться земли, как грудь пронзила тупая, удушливая боль. Харе повалился на одно колено, и из его рта хлынула темная кровь. Он судорожно прищурился от режущей вспышки боли и уставился на залитую кровью траву. Лишь спустя несколько секунд ему удалось перевести дух.

Юноша медленно поднял голову, озираясь по сторонам. Осунувшееся, мертвенно-бледное лицо с тонкими, резкими чертами казалось изможденным; под глазами цвета чистейшей лазури залегли глубокие тени. Он выглядел настолько истощенным, словно готов был рухнуть замертво от малейшего дуновения ветра.

— Тропинка в гору... крестьянские дома у дороги, вишневые деревья и вон тот ров... — прошептал он, оглядывая до боли знакомый пейзаж. Он уверенно кивнул, не в силах сдержать ликующей улыбки. — Точно. Я на месте!

Получилось! Ему действительно удалось!

Не зря он неделями не выходил из комнаты, изучая древние свитки и тренируясь до седьмого пота. Первое же настоящее применение техники увенчалось абсолютным успехом! На бледных губах Харе заиграла искренняя, торжествующая улыбка.

С самого рождения он обладал секретом, о котором не рассказывал живой игре и который никогда прежде не решался опробовать на практике, — врожденной техникой перемещения сквозь пространство и время.

В отличие от проявившихся позже сил, связанных с Гето Сугуру, и великого дара Шести глаз, эта способность дремала в нем с первого вдоха — вероятно, из-за его необычной природы как проклятого чрева. Узнав в день своего рождения правду о собственном происхождении, Харе окончательно убедился в правоте слов старейшины клана.

Дни и ночи он размышлял над своей участью и в конце концов нашел единственный выход: вернуться в прошлое. В тот самый год, когда встретились его будущие родители. И тогда...

Харе поднялся на ноги, решительно сжав кулаки.

— Уж простите, папа, мама, но я здесь ради того, чтобы развести вас как в море корабли!

Если он помешает им сойтись, то просто не родится на свет. А значит, исчезнет сама

первопричина появления новых Шести глаз.

Господи, да он же, черт возьми, гений!

Харе так раздулся от гордости, что упер руки в бока, собираясь оглушительно расхохотаться, но тут же поперхнулся собственной кровью. Сдавленный хрип сменился надрывным, лающим кашлем. Он согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух...

— Кха! Кха! — Кое-как отдышавшись, он прочистил горло и упрямо закинул голову назад, снова заливаясь безумным смехом: — Ха-ха... Ха-ха-ха-ха!.. Да-а-а-а!

Этот безумный хохот эхом разнесся среди цветущих вишен, переполошив округу. В одном из стоявших неподалеку домов на втором этаже приоткрылось окно. Греющаяся на солнце старушка высунулась наружу и, поправив сползающие очки для чтения, с любопытством уставилась на нарушителя спокойствия. Увидев красивого юношу, который самозабвенно орал на всю улицу, она испуганно обернулась вглубь комнаты:

— Отец, иди скорее сюда! Погляди, там на дороге мальчонка какой-то умом тронулся!

Харе мгновенно умолк.

Стерев с губ остатки крови, он скользнул под раскидистую сакуру, скрываясь из виду бдительной старушки. Убедившись, что его больше никто не видит, Харе вскинул руку и указал пальцем в сторону Технической школы магии.

— Слушай сюда, долбаный мир шаманов! — торжественно провозгласил он. — Я явился, чтобы повернуть всего три дела!

Во-первых — уничтожить самого себя!

Во-вторых — прикончить верхушку из этих гнилых мандаринов!

В-третьих — стереть в порошок Суку... Ой, погодите, это еще что такое?

Какая-то темная, усохшая штуковина с глухим стуком шмякнулась с ветки прямо в траву у его ног, бесцеремонно оборвав пламенную речь.

Харе недоуменно поднял глаза. На толстом суку сидел на редкость глуповатый проклятый дух: он пускал слюни и пялился на него огромными выпученными глазищами.

«М-да. Полное отсутствие интеллекта и дегенеративный вид. Типичная мелочь, даже мараться

неохота», — мгновенно оценил обстановку юноша.

Проклятие оскорбленно зашипело, словно расслышав его мысли.

Потеряв всякий интерес к глупой твари, Харе опустил взгляд на землю, пытаясь разглядеть в траве упавший предмет.

Под деревом лежал пышный ковер из нежно-розовых лепестков сакуры. Среди этой весенней красоты Харе заметил странный предмет. Это был иссохший, неестественно длинный человеческий палец. Его покрывала сморщенная бурая кожа, а острый черный ноготь походил на коготь свирепого зверя, способный без труда вспороть плоть. От находки исходила тяжелая, удушливая аура первородного зла.

Харе на мгновение задумался — палец казался смутно знакомым, будто он мельком видел его описание в архивах. Но сборы в прошлое были слишком спешными; все его мысли занимали исключительно портреты молодых родителей, и на прочие детали он просто не обратил внимания.

Пока он пытался вспомнить, ветви над головой затрещали, и на юношу посыпался град лепестков. Подняв глаза, Харе обнаружил, что на дереве собралось еще несколько мелких проклятых духов. Все они завороченно таращились на упавшую реликвию, отпихивая друг друга в отчаянной попытке добраться до нее первыми.

Изначально этот усохший кусок плоти Харе даром был не нужен, но ажиотаж среди проклятых духов заставил его передумать. Если эти твари так яростно дерутся за вещь, значит, она представляет огромную ценность!

А раз ценность — значит, теперь она принадлежит ему.

Юноша неувлимым движением взмахнул рукой. Тончайшие лезвия из чистой проклятой энергии в мгновение ока перерубили копошащихся тварей пополам. Бесформенные ошметки плоти дождем посыпались на землю.

Довольный собой Харе наклонился и поднял испачканный в чужой крови палец.

— Ну-ка, поглядим, что это за сокровище... Ой, какого черта?!

Его звонкий голос оборвался на полуслове. Улыбка застыла, а лазурные глаза округлились от изумления: палец начал стремительно таять прямо в его ладони.

Сухая плоть превратилась в вязкую угольно-черную жижу. Прежде чем Харе успел что-либо предпринять, кожа на его руке зашевелилась, словно живой организм, жадно впитывая скверну. Буквально за пару мгновений вещество бесследно всосалось внутрь.

— Что за хрень?! — выдохнул он, лихорадочно тряся рукой, но было поздно. Чужеродная грязь полностью растворилась под кожей.

Охваченный паникой, Харе выхватил нож и без колебаний полоснул себя по ладони, надеясь вырезать инородное тело. Лезвие глубоко вонзилось в плоть, превращая левую руку в кровавое месиво. Его ладонь была изящной и узкой, а поглощенный палец — длинным и массивным, так что обнаружить его под кожей не составляло бы труда. Однако рана зияла пустотой. Решив, что скверна могла раствориться в кровотоке, он попытался выпустить отравленную кровь, но это привело лишь к тому, что в глазах потемнело от резкой слабости.

Сквозь нахлынувшую дурноту в глубине его сознания вдруг раздался низкий, бархатистый и жутковатый смех. Этот звук, прозвучавший подобно грому среди ясного неба, заставил Харе похолодеть от ужаса. По спине прошел ледяной пот.

— Кто здесь?! А ну покажись! — выкрикнул он в пустоту.

"О-о... Мальчишка, а твое тело... Весьма любопытно..."

Голос раздался прямо в голове — надменный, издевательский и сочащийся такой неприкрытой злобой, что сомневаться не приходилось: этот незванный гость опасен.

Не обнаружив вокруг ни души, Харе принял безумное, но единственное, как ему казалось, верное решение. Одним резким взмахом клинка он начисто отсек себе левую кисть по самое запястье.

— Плевать, кто ты такой! Думаешь, испугал меня? Хрен тебе, я просто вырежу тебя к чертям собачьим!

Старушка на балконе, наблюдавшая за сценой с открытым ртом, схватилась за сердце и беззвучно заглотила воздух. Прибежавший на ее зов старик оцепенел, выронив из рук трость. Они оба выглядели так, будто у них на глазах разверзлась преисподняя.

Отрубленная кисть упала на землю, стремительно бледнея, и начала медленно рассыпаться серым пеплом, подобно побежденному проклятому духу. Из обрубка запястья хлестала темная кровь, но новая конечность не спешила отрастать — Харе не владел обратной проклятой техникой. Подобный дефект выглядел невыносимым как для носителя Шести глаз, так и для мира проклятых духов. Впрочем, будучи уникальным созданием, он все же обладал колоссальной живучестью: мелкие порезы затягивались сами собой, но вот серьезные увечья требовали особого подхода...

Харе поморщился от пульсирующей боли, но паники не испытывал. Опустившись на корточки, он уцелевшей правой рукой подобрал валявшийся в траве кусок разрубленного проклятия и без брезгливости запихал его в рот. Проглотив склизкую массу, он замер на секунду. В то же мгновение из кровоточащего обрубка с тихим шипением вырвались новые ткани, и запястье

вновь увенчалось безупречной, здоровой кистью.

— Готово, — буркнул он, вытирая рукавом кровь с губ.

Размяв новые пальцы, он подобрал свой дорожный рюкзак и уже приготовился начать подъем в гору, как вдруг мерзкий голос в голове зазвучал вновь. На этот раз в нем сквозило неподдельное, издевательское веселье.

"Ха-ха-ха! Какая прелесть! Слушай, малец, а почему бы тебе не распороть себе брюхо? Вдруг сможешь выковырять меня оттуда? Попробуй!"

Что?! Какого хрена он еще здесь?!

"Неужели это побочный эффект перемещения во времени? Я что, сошел с ума? Да нет, бред... Дело точно в том проклятом пальце!"

Харе озверел. Он не собирался заявляться к молодым родителям со столь сомнительным «пассажиrom» в голове. Отшвырнув рюкзак, он рванул вверх подол куртки, обнажив бледный, подтянутый живот. Направив острие ножа себе в брюшину, он прищурился — и с глухим звуком вогнал лезвие по самую рукоять.

А затем, стиснув зубы, с силой потянул нож вниз. На белой коже мгновенно проступил ровный багровый разрез, из которого хлынул горячий багряный поток.

С непроницаемым лицом он смазал пальцы собственной кровью для скольжения и без тени сомнения запустил свободную руку прямо внутрь раны, грубо раздвигая края рассеченной плоти.

Старушка на балконе, бледная как смерть, покачнулась, но упрямо продолжала смотреть на этот кошмар.

А ее старик, трясущимися руками сжимая кнопочный мобильник, никак не мог решить, куда звонить сначала: в полицию или сразу санитарам из психиатрической лечебницы.

Харе, полностью сосредоточившись на поиске, копался в собственном животе. Окровавленные внутренности скользили под пальцами, вызывая омерзительное чувство и дикую, разрывающую боль. От этой пытки его крупно трясло; челюсти были сжаты с такой силой, что на лице проступили желваки. Жгучая боль порождала ярость, а безуспешные поиски лишь разжигали гнев. И бесконечный издевательский хохот в голове доводил его до белого каления.

— Заткнись, тварь! — в ярости провыл он, захлебываясь болью. — Где ты прячешься?! А ну вылезай наружу!

Его голос звучал грозно, но из-за чудовищной боли и подступающей слабости слова выходили жалкими и прерывистыми. Для Сукуны эта яростная тирада прозвучала не более убедительно, чем писк новорожденного щенка.

Король Проклятий, правивший миром тысячу лет назад, восседал на своем колоссальном троне из человеческих черепов. Лениво подперев подбородок рукой, он плотоядно оскалился, обнажая острые клыки.

А малец-то оказался чертовски забавным.

Очевидно, будучи проклятым духом по своей сути, он сочетал в себе две совершенно разные человеческие ауры — золотую и лазурную, которые сплелись в его душе в неразрывное целое. И пускай этот сопляк не владел обратной проклятой техникой, его способ регенерации по-настоящему впечатлял: пожирать чужую плоть ради мгновенного восстановления — весьма изящное решение для проклятого духа.

Но самое поразительное крылось в другом.

Сукуна лениво приподнял левую ногу, устремив взор всех четырех багровых глаз на щиколотку. Поверх привычных черных татуировок теперь обвивалась тонкая, толщиной с мизинец, цепь. Она пульсировала зловещей темно-красной энергией: один ее конец намертво стягивал ногу Короля Проклятий, а второй уходил глубоко в бескрайнее кровавое озеро его врожденной территории, превращая грозное божество в цепного зверя.

Несколько мгновений назад он попытался полностью подчинить себе это тело и переродиться, но потерпел крах. Алая цепь натянулась, заблокировав его волю. Находясь в пределах собственного разума, Сукуна впервые столкнулся с силой, природу которой не мог разгадать, — даже его сокрушительные невидимые рассекающие удары не оставили на звеньях ни царапины. Вероятнее всего, это было нерушимое связующее обязательство, намертво переплетенное с душой владельца тела.

Подобное ограничение свободы изрядно раздражало великого демона. В нем пробудилось непреодолимое желание помучить упрямого мальчишку, заставив его искромсать себя еще сильнее, чтобы полюбоваться на новые потоки крови.

"Хм," — Сукуна издал тихий смешок, слушая бессильную брань Харе. Его багровые глаза сузились, а оскал обнажил острые, белые как кость зубы. — "Мальчишка, а ты поищи повыше. Вырви себе сердце, вдруг я там прячусь?"

Он не успел договорить.

Внутренний взор Сукуны зафиксировал, как Харе внезапно обмяк и без чувств повалился на землю. Его бледные веки судорожно подрагивали, точно крылья умирающей бабочки. Юноша явно испытывал невыносимые муки.

Чего?

Король Проклятий в недоумении моргнул.

Неужели... подох?

Сука какая. Он ведь только вошел во вкус. И этот выкидыш бездны называет себя проклятым духом? Такой хрупкий?

Сукуна призадумался, и на его лице вновь расцвела хищная, предвещающая беду ухмылка.

"Что ж, решено..."

Сначала вернуть бедолагу к жизни, а затем методично доводить его до безумия, упиваясь его страданиями, криками о пощаде и новыми попытками искромсать плоть...

Сукуна поднялся на ноги. Алая цепь со звоном натянулась, ударившись о груды костей у подножия трона. Смерив взглядом оковы, он недовольно поморщился.

Какая досада. Раз эти треклятые звенья все еще держат его, значит, мальчишка жив.

<http://bllate.org/book/19043/1906206>